

Военно-гражданские отношения в истории военно-политической мысли

В мировой политической мысли проблема взаимодействия военной и политической сфер, влияния армии на политику занимает одно из ведущих мест и имеет достаточно длительную историю. Многие историки, полководцы, политики, ученые занимались её изучением, трактовкой, поисками наиболее оптимальных путей взаимодействия военных с политикой.

Одной из важнейших работ древности, где впервые данный вопрос рассматривался достаточно подробно, является «Трактат о военном искусстве» великого китайского полководца и государственного деятеля Сунь-Цзы (IV-V вв. до н.э.), который считал, что политика занимает господствующее положение по отношению к войне, а политическое руководство по отношению к военному. Войну Сунь-Цзы называет большим делом государства, вопросом его жизни и смерти и пишет, что полководец, понимающий сущность войны, управляет судьбой [10, с. 48].

Сунь-Цзы рассматривал военные действия лишь как одну из многообразных форм борьбы, подчиненных интересам политики государства. На западе многие исследователи полагают, что многие взгляды Сунь-Цзы на политику и войну позже легли в основу марксистско-ленинской концепции.

В военно-политической литературе древней Индии также получил отражение вопрос о соотношении политики и войны. Брахман Чапакья в IV в. до н.э. высказал мысль о связи войны и политики, о войне как средстве политики. По мысли автора, война должна служить широким целям политики, а не быть самоцелью. Ее следует вести с помощью вооруженных сил, но более важной силой, чем оружие, является высшая политическая стратегия, которая подрывает дух врага, разлагает его и подводит к крушению.

Наиболее же полно проблематика соотношения политики и войны, военной сферы разрабатывалась в античной литературе. Так, Платон (427-347 до н.э.) напрямую связывал войну, армию и политику. При этом следует отметить, что его воззрения складывались под воздействием Пелопонесской войны (431–404 гг. до н.э.), в которой соперничали два сильнейших древнегреческих государства – Афины и Спарта, т.е. он обладал определенным эмпирическим опытом в изучении проблемы. Политика – по Платону – есть руководство общественными делами, делами государства, она начальствует над всем и управляет другими видами деятельности, в т.ч. и военной, а военное искусство лишь часть политического искусства. Но при такой подчиненности всего политике он отводил военным важнейшую роль в жизни государства, поскольку полагал войну естественным, постоянным и неустрашимым состоянием общества, не считая ее, однако, злом. Напротив, ученый называет войну единственным способом приобретения новых земель и рабов, т.е. главным фактором прогресса государства, при этом данный способ, по мнению Платона, является абсолютно законным и справедливым. Отсюда выводится и важная роль военных. В проекте своего идеального государства он выделяет их в отдельное сословие, занимающее по значимости второе место и имеющее свою сферу деятельности. При этом

Платон подчеркивал, что армия должна сражаться не только с внешними, но и с внутренними врагами государства, удерживать домашних, если бы кто из них не захотел повиноваться законам, и отражать внешних врагов [8, с. 325].

Аристотель (381–322 гг. до н.э.), критиковавший Платона по многим положениям, разделял часть его взглядов по вопросу роли армии в политике, считая войну справедливым явлением и признавая большую роль военных в жизни общества. В частности, он пишет о том, что именно люди, владеющие оружием, в состоянии сохранить или отменить существующий государственный строй, которого не желает народ и общество. В отличие от Платона, взгляды Аристотеля на политику и войну характеризуются большей реалистичностью и конкретностью. Эти взгляды основываются на богатом историческом материале, на обобщении прошлого военно-теоретического наследия, политического и военного опыта ведения многочисленных войн античного общества, на социальной и моральной их оценке [1, с. 457].

В идеологии Римской империи война также занимала важное место. Рим вел многочисленные завоевательные войны, в результате которых были покорены многие территории и народы Южной Европы и Северной Африки. Это не могло не получить отражения в трудах древнеримских философов, политических и военных деятелей. Серьезное внимание анализу связи политики и войны уделил римский политический деятель, оратор и философ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.). В своих трактатах «О государстве» и «О законах», Цицерон подчеркивал важность политических, государственных дел, называл заботу о государстве и управлении им «величайшим искусством». Цицерон указывал на необходимость во время трудных войн сосредоточения всей власти «в руках одного», но выступал против режима личной военной диктатуры. Рассматривая политику как определяющую сторону во взаимосвязи с войной, Цицерон значительно углубил классификацию войн, предложенную древнегреческими и древнеримскими писателями, пытался сформулировать критерии определения характера войны. Войны разделялись им на два рода – справедливые и несправедливые. За основу деления Цицерон брал формальный, но важный политический и моральный акт – объявление войны. К несправедливым относились те войны, которые велись без достаточной причины и формального объявления.

Кроме римских ученых и философов, военные также пытались осмыслить суть отношений военной и политической сфер. В древнеримских источниках содержатся высказывания военных деятелей, в которых резко подчеркивается роль насильственных средств, предпринимается попытка обособить их от общественных отношений, моральных и правовых требований, что позже получила наименование «деполитизация» войны. Так, например, римский полководец и политический деятель Гай Марий утверждал, что для него «не может дойти глас законов, заглушаемый звоном оружия». Другой римский полководец и политический деятель, Гней Помпей, в свою очередь, заявлял: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен». Эти высказывания свидетельствуют о повышении роли римской армии как реальной политической силы, которая оказывала преобладающее влияние на политический режим в стране и на форму правления. В них вместе с тем отражается изменившееся соотношение между политическим и военным руководством, возрастание роли

последнего. Римские полководцы и политические деятели Гай Марий, Гней Помпей, Юлий Цезарь, Марк Антоний, Октавиан и другие добились порядка, при котором ведущая роль в управлении вооруженными силами отводилась полководцу. Появление преторианской гвардии в Риме являлось попыткой политической власти ограничить растущее влияние военных через создание альтернативной военизированной структуры – своеобразного противовеса армии.

В период средневековья большую популярность приобретают концепции священной войны – религиозное обоснование территориальной, экономической, культурной экспансии. В разное время такие концепции сложились в иудаизме, исламе, христианстве. При этом во всех этих концепциях военным отводится важная роль. Следует отметить, что и в других регионах мира складывались аналогичные тенденции функционирования политических систем. Например, в 1300–1500 гг. в империи инков война стала главным содержанием и основной формой государственной деятельности. При этом военная экспансия инков в отношении соседних народов и государств породила государственную идеологию об их цивилизаторской миссии. Верховный правитель объединял высшую гражданскую и военную власть.

Схожие процессы можно обнаружить и в Африке.

Одной из наиболее значимых работ эпохи возрождения, касающейся данной проблематики, можно назвать труд Н. Макиавелли (1469–1527) «Государь» и ряд других его работ. Главная заслуга Макиавелли состоит в освобождении политической и военной мысли от религиозной мистики и рассмотрение проблем с точки зрения утилитарного подхода. Политику он определяет, как использование силы, стремление государства к завоеваниям считает естественным, а военную силу наряду с хорошими законами полагает основной государственной опорой. При этом во всех трудах Макиавелли подчеркивает приоритет политического руководства над военным, считая, что государь должен лично предводительствовать в походах. Однако поскольку войско – важнейшая опора государя, последнему необходимо всеми силами добиваться его расположения с целью обеспечить безопасное существование, ибо: «... государя подстерегают две опасности: одна – изнутри, со стороны подданных, другая – извне, со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников, причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры» [5, с. 345].

Далее Макиавелли на примере жизнеописаний нескольких римских императоров раскрывает механизмы возможного влияния армии на политику и государя и рекомендует, как следует наилучшим образом обходиться с войском, дабы сохранить власть: «... если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще и алчность войска. Многих эта тягостная необходимость привела к гибели... Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных...». Другими словами, по Макиавелли, войско нужно держать в повиновении, внушив уважение к себе, но

необходимо быть с ним щедрым и предоставить военным большую свободу в профессиональных вопросах [5].

Среди работ более позднего времени одно из ведущих мест занимает книга немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица (1780–1831) «О войне». В ней автор довольно подробно определяет степень взаимосвязи войны и политики, обстоятельно раскрывает сущность данного явления, полагая войну не самостоятельным актом, а составной частью политики. Война по Клаузевицу определяется политикой, зависит от политических отношений, вытекает из политической ситуации и определяется политическими мотивами. Обособленно от политики война существовать не может. При этом политика всегда содержит в себе контуры войны, которые до определенного времени остаются невидимы. Он дает следующее определение войны: «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Война имеет свойства политики», – утверждает Клаузевиц [4, с. 64].

Однако Клаузевиц полагал, что политическая цель не является единственной определяющей силой в войне. Политика должна учитывать природу военной силы и возможные последствия ее применения (в том числе и для себя самой). Несомненно, что его идеи о сущности войны и о соотношении военной и политической сфер оказали большое влияние на всю последующую политическую науку. Большое значение вопросам участия армии в политике, сущности и параметрам данного участия придавалось в теории марксизма-ленинизма. При этом многие западные ученые делают вывод о том, что при концептуальном рассмотрении данной проблемы марксизм заимствовал многие положения из теории Клаузевица. Так, например, западногерманский адмирал Фридрих Руге в книге «Политика и стратегия» (1964) пишет, что революционная доктрина, которую развил и с большим успехом применил В.И. Ленин, испытала на себе «влияние Сунь Цзы и Клаузевица».

Согласно марксистско-ленинской теории, армия, наряду с полицией, является важным орудием классовой борьбы, при помощи которого государство, поддерживающее класс угнетателей, обеспечивает его. Как писал по этому поводу В. Ленин: «... армия и полиция есть главные орудия силы государственной власти [7, с. 9].

При этом, рассматривая сущность взаимоотношений вооруженных сил с государством, сторонники данной концепции полагают, что существует тесная связь между военной организацией страны и всем её экономическим и культурным строем, а изменения в социально-политической роли армии в общественной системе имеют первопричину в самом обществе. Роль армии в политике и здесь полагается очень значительной, однако армия как институт государства должна исчезнуть, а на её месте возникнет новый тип военной организации в обществе на период существования «диктатуры пролетариата». Другой видный теоретик марксизма Лев Троцкий так раскрывает роль армии в политике: «Когда и в какой стране армия стояла вне политики? Наша старая армия не была аполитичной, ибо всей системой воспитания и обучения она была призвана поддерживать монархический принцип. Великая Французская Революция создала могущественную армию, которая под звуки «Марсельезы» повалила десятки тронов. Армий вне политики не бывает. Солдат должен знать, за что он умирает.

Только психологическим единством, единством идеи можно спаять армию» [7, с. 76-78].

В дальнейшем именно теоретические положения марксизма-ленинизма, предполагавшие диалектический подход, начиная с 20-х гг. и до конца 80-х XX века, стали базовыми для советских ученых, разрабатывавших вопросы войны, государства и общества. В качестве альтернативы мнению советских и зарубежных исследователей можно рассмотреть мнения наших соотечественников, оказавшихся после революционных потрясений и Гражданской войны в эмиграции. Данные работы представляют большой интерес, поскольку авторы опирались на иные ориентиры, ценности, теоретические концепции и имели большую свободу мнения по сравнению с советскими учеными, и обладали более глубоким знанием российской специфики, чем зарубежные исследователи.

Большое внимание уделяет роли военных в политической структуре Иван Ильин. В книге «О грядущей России» он предполагает неизбежный крах коммунизма в России, а единственными силами, способными обеспечить единство страны и удержать её от распада в переходный период, называет армию и церковь. Он пишет: «Воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое, но необходимое и служащее благой цели. Средства его жестокие и несправедливые. Но именно поэтому дух того, кому вручаются эти средства, должны быть крепок и непоколебим в своем искреннем христоролюбии».

Согласно Ильину, дух армии противостоит духу политики и именно военные, неискушенные в политической борьбе, смогут спасти государство. «Дух армии – не революционный, а консервативный; не международный, а национально-патриотический; не трусливого доноса, а храброй прямоты; не партийного карьеризма, а качественного отбора; не закулисной директивы, а стратегической целесообразности; не бесчестной интриги, а честного ранга. Угашение этого духа в армии неминуемо снижает её боеспособность», – пишет Ильин. Однако в своей работе он ориентировался на серьезное значение специфического, особого русского характера, весьма отличного от европейских народов, порождающего своеобразный тип политической культуры. Все это в полной мере относится и к армии, имеющей характер своего народа.

Генерал-лейтенант царской армии Антон Деникин (с апреля 1918 г. командовал Добровольческой армией, затем возглавил «Вооруженные силы Юга России») в 1929 году писал, что «в известных кругах стало модным высмеивать формулу «армия – вне политики» и приписывать ей развал императорской армии и неуспех «Белого движения». Какое-то нелепейшее смешение понятий: национального, патриотического воспитания и ортодоксального исповедывания партийных программ. В особенности, когда программы эти фабрикуются. Русская императорская армия была действительно беспартийной. С малограмотным, к великому сожалению, политически, но обладавшим высокоразвитым патриотизмом офицерским корпусом, который сумел поддержать дух в кадровых рядах. Настолько, что об него разбились волны первой революции. Беспартийной она была и первые два с половиной года мировой войны, хотя мобилизация обратила ее в вооруженный народ, увы, не принесший с собой ясного сознания необходимости великой жертвы... Развал армии наступил именно тогда, когда поротно начали решать вопрос об аннексиях и контрибуциях, и быть ли России

республикой с президентом или без президента. И трагедия нашего офицерства в то страшное время заключалась вовсе не в том, что оно не имело какой-то своей политической программы, а в том, что оно оказалось безоружным и беспомощным, не умея ответить на целый ряд идей, хлынувших в армию, которые солдатская масса не в состоянии была переварить».

Русский историк и философ Борис Чичерин в 1898 году отмечал, что войско составляет такую существенную потребность государства, оно представляет такое могучее орудие власти, что редкие правительства не обращают на него должной заботы. Часто эта забота становится даже преувеличенной, отвлекая внимание от всего остального и заставляя смотреть на самый гражданский порядок с точки зрения военного строя. В эту крайность впадают в особенности правительства самодержавные. Но далеко не всегда попечение о войске сохраняет разумное направление. Здесь более чем где-либо, внешний порядок нередко заменяет настоящее содержание. Особенно в периоды долгого мира, когда практика не обнаруживает слабых сторон военной организации, армия становится игрушкой, которою потешаются монархи [7, с. 8].

Интересно отметить, что в 20-е гг. XX века среди военных мыслителей разных стран развернулась дискуссия о взаимоотношениях армии и политики. Представители германской школы (Мольтке-старший, Людендорф, Гинденбург) отрицали подчиненность военной стратегии по отношению к политике. Отечественный военный теоретик генерал Свечин придерживался противоположной точки зрения, считая, что военная организация всегда следует за политикой.

В силу общего хода развития мировой политической науки в конце XIX – середине XX века наибольший опыт практического и теоретического анализа участия военных в политике накоплен в западной политической мысли, там же разработан ряд значимых теорий и концепций подобного участия, а также всего комплекса взаимоотношений военных с обществом, получившего обозначение военно-гражданские отношения.

Безусловным преимуществом западных исследователей в 30–80-е гг. XX века являлась возможность широкого доступа к необходимой информации о функционировании военной сферы (законодательная база, процедуры формулирования целей национальной безопасности, механизмы и объемы финансирования вооруженных сил, система военного образования и т.д.). Кроме того, успех западных исследователей объясняется и общим высоким уровнем развития политической науки и демократических политических институтов.

Исследования, проводившиеся в этот период в странах социалистического лагеря, в первую очередь, в нашей стране, в значительной степени ограничивались необходимостью опоры на марксистско-ленинскую теорию, а также небольшим объемом публичной информации об основных параметрах функционирования вооруженных сил, равно как и публичной политики вообще. Анализ западных концепций в социалистических системах был возможен только с позиции их критики, а большинство отечественных исследований по данной проблематике носило закрытый характер и предназначалось для узкого круга военно-политического руководства страны.

Однако передовые позиции западной науки отнюдь не означали универсальность и полный успех разработанных там теорий военно-гражданских

отношений и концептуальных моделей участия военных в политике. Как свидетельствует опыт прикладного политического анализа, большинство из моделей, разработанных в 50-х – 80-х гг. в западной науке оказались полностью или частично нефункциональными для объяснения специфических особенностей участия армии в политике в коммунистических и посткоммунистических политических системах, в особенности в России, Китае и ряде стран «третьего мира».

На наш взгляд, отчасти причины этого явления кроются в том, что западные модели и теории разрабатывались исходя из западного же понимания и анализа политических процессов, функционирования и развития военной сферы, что при общей закрытости социалистической системы создавали существенные пробелы в прикладном анализе, и, как следствие, в разработке теоретических моделей. Фактически, многие из этих моделей лишь констатировали систему отношений армии и политики социалистических стран, сложившуюся на определенные период. При этом данная система на момент разработки концепции могла уже устареть или измениться (например, в связи со сменой военно-политического руководства и высших лиц в составе военно-политического руководства в Советском Союзе или КНР).

Не следует забывать и о факторе идеологического противостояния периода «Холодной войны» – великие державы активно боролись за влияние в глобальном масштабе, противостояние между ними часто выливалось в серьезные инциденты, и политическая наука, как на Западе, так и в социалистическом лагере в той или иной степени была частью этой борьбы. Так, например, советские или китайские материалы 60-х – 70-х гг. XX века мало подходят для объективного анализа ситуации в период обострения советско-китайских отношений. С другой стороны, как уже говорилось выше, США же в 60–80-гг. XX века активно поддерживали военно-диктаторские режимы в Латинской Америке, рассматривая их в качестве наиболее эффективного средства борьбы с распространением коммунизма в регионе, несмотря на явное противоречие особенностей их функционирования базовым демократическим принципам. Такая поддержка этих режимов США нашла свое отражение и в политической науке того периода. Первой из таких концепций, оказавшей серьезное влияние на всю политическую науку в целом, стала работа Сэмуэля Хантингтона «Государство и солдат». С. Хантингтон на базе эмпирических исследований пришел к выводу, что менталитету военных присущи следующие основные ценности и идеи:

- верховенство общества над индивидом;
- важность порядка, иерархии, разделения функций;
- безопасность общества зависит от поддержания мощных вооруженных сил;
- война – политический инструмент;
- повиновение – высшая добродетель военных.

Соответственно, военный менталитет отличается реализмом и консерватизмом, что само по себе не способствует вмешательству военных и/или спецслужб в политику [3].

Американский исследователь Алфред Вог в своей работе «История милитаризма гражданского и военного» (1937), рассматривая теорию аполитичности армии, отмечает, что, как и в любой другой профессии, часть, возможно даже большинство офицеров аполитичны, поскольку полностью заняты

выполнением своих профессиональных функций. Но в перерывах между войнами военные имеют гораздо больше свободного времени, чем любые другие профессионалы и это создает возможность для направления своей мыслительной активности и стремлений в политическую сферу. С раннего периода истории развития современных армий военные фактически присутствовали в политике – в качестве неформальной группы интересов. Эта группа не была открытой из-за концепции рациональности и долга, но группы, клики, камарильи, школы в армиях брали на себя функцию артикуляции и представительства интересов военных, даже не имея на то мандата большинства офицерского корпуса, полагая, возможно, что большинство с ними согласно. Такие клики устанавливали и поддерживали контакты, как правило, хорошо скрытые, с гражданскими политическими группами интересов, находящимися у власти или борющимися за власть. В монархиях такие камарильи почти всегда находили формы взаимодействия непосредственно с монархом, как это было в России и Пруссии. Когда же на монарха не так легко воздействовать, военные могут использовать давление или даже насилие, как, например, в Сербии в 1903 г. В таких крайних случаях участие военных в политике носит конспиративный характер. В ряде случаев обстановка революционной нестабильности способствовала тому, что генералы изменяли интересам страны, которой они служили. В большинстве же случаев политическое участие военных служит достижению менее значимых целей, таких как улучшение денежного довольствия и социального обеспечения, получение привилегий и т.д.

Кеннет Боулдинг в исследовании «Конфликт и защита: общая теория» говорит о том, что представление о вооруженных силах, как о защитнике государства, являются не более чем мифом. Вооруженные силы многих стран мира фактически независимы от государств, которыми были созданы и которые теоретически должны защищать. На практике ничего этого не существует. Армия формирует собственную социальную систему, которая во многом автономна по отношению к государству. Парадокс ситуации по его мнению состоит в том, что «вооруженные силы созданы для борьбы с другими вооруженными силами, а, следовательно, существование национальной армии основывается на самооправдании: каждая армия любого государства оправдывает свое существование наличием потенциального врага и практически больше не имеет аргументов для самозащиты. Поэтому армия сильно отличается от полиции, которая имеет своей целью не борьбу с другой полицией, а противодействие незаконным поступкам индивидов и выполняет предупредительную, а не карательную функцию. Полиция лишь задерживает нарушителя, а наказывать его, если он виновен, должен суд. Это разделение труда не всегда ясно видно, но существует фундаментальная разница между легальной, ответственной полицией с одной стороны и бандитской, секретной политической полицией и вооруженными силами с другой» [2].

Сходной точки зрения придерживался французский политолог Морис Дюверже, уделивший достаточно много места проблематике участия армии в политике в своей работе «Идея политики. Применение силы (власти) в обществе». Армию Дюверже считал одним из важнейших инструментов политической борьбы. По его мнению, главная задача политики – устранить насилие, заменить кровопролитие менее жестокими формами борьбы. Политика начинается за

пределами войны, гражданской или международной. Политика стремится ликвидировать насилие, но не может сделать это окончательно, поэтому оружие, в прямом смысле слова, военная сила никогда полностью не исключается из политической борьбы. Во многих человеческих обществах власть опирается на силу. Политики не столько стремятся уничтожить средства насилия, оружие, сколько сосредоточить их в руках правительства. Обладая монополией на оружие, правительство, правящая партия, приобретают огромную власть над безоружными гражданами. Кроме случаев легитимного использования для подчинения поданных власти, военная сила используется в политике в трех случаях:

- на низкой стадии общественного развития, когда государство еще слишком слабо, чтобы использовать её в собственных интересах. Тогда вооруженные партии борются за власть, политические организации приобретают форму милиции (древние города-государства, средние века). Иногда это можно наблюдать на более высокой стадии социального развития, когда одна из партий приобретает форму военизированной организации. Тогда другие также создают свои подобные организации. (Германия, 1930-е годы);

- политический конфликт приобретает военные формы, когда оппозиция не имеет иных возможностей быть услышанной, или, когда дозволенные средства являются неэффективными. Вооруженное сопротивление обычно проходит две стадии: тайное сопротивление и открытое восстание, подготовленное первой стадией. Открытое восстание может проявиться в двух формах: как революция, в которой власть быстро захватывает экс-оппозиция или как долгая гражданская война, в которой важную роль играет подпольное сопротивление. Сейчас, с усилением средств уничтожения, вторая форма вытесняет первую;

- когда военные перестают служить правительству и начинают сами бороться за власть (Древний Рим, Латинская Америка, Средний Восток; Франция была близка к этому в 1958–1962 годах). Иногда различные группировки в армии начинают бороться за власть между собой (Римская империя, Латинская Америка, Алжир 1961 г.) [48].

Дюверже полагает, что армия всегда является угрозой государству. В политической сфере армия выражает интересы определенных социальных групп в борьбе за власть, играет роль партии или группы давления, чаще всего находясь на стороне привилегированного меньшинства.

Американский политолог и психолог Гарольд Лассуэл, видный представитель бихевиористской школы, исследуя роль элит в современном обществе, обратил внимание на опасность превращения его в «государство-гарнизон», или военную диктатуру, из-за развития военных технологий, а также из-за того, что наибольшим влиянием начинают пользоваться военные и прочие «специалисты по насилию», располагающие совершенными техническими средствами осуществления насилия и освоившие современные приемы управления. Общество, ставящее высшей целью постоянную готовность к войне, само милитаризуется: исчезает граница между военными и гражданскими институтами, а военная элита становится важнейшим элементом элиты общества. В свою очередь, «государство-гарнизон», как и общество в целом, полностью утрачивает способность к развитию (оно может превратиться только в

«гарнизонно-полицейское» или «гарнизонно-тюремное»): прогресс наблюдается лишь в сфере военных технологий. [48].

Один из ведущих представителей теории современной демократии, американский политолог Хуан Линц в своей типологии авторитарных режимов выделяет военно-бюрократический режим.

Данный тип авторитаризма возникает обычно в виде военной диктатуры, но в дальнейшем политическом развитии все большая роль принадлежит гражданским профессионалам. В правящей коалиции доминируют военные и бюрократы, отсутствует какая-либо интегрирующая идеология. Такой режим может быть и беспартийным, и многопартийным, но чаще всего существует одна проправительственная партия, которая не является массовой.

Основной идеологической целью такого режима является исключение независимого участия во властных отношениях определенных групп, чаще всего низших слоев, а также этнических, религиозных и культурных меньшинств, которые были вовлечены в политическую жизнь в предшествующий демократический период (если таковой был). Военных и бюрократов обычно объединяет страх перед революцией снизу, поэтому устранения влияния на общество радикально настроенных интеллектуалов представляется им необходимым условием его дальнейшего развития. Данную проблемную ситуацию режим разрешает с помощью насилия и/или закрытия доступа интеллектуалам в политическую сферу через избирательные каналы.

Особенность военного режима состоит в том, что посты в правящей элите занимают согласно позиций в армейской иерархии. Формы военного правления различны – от личной диктатуры одного офицера или генерала до хунты – обобщенного названия военных правительств, пришедших к власти в результате государственного переворота. Иногда военные лидеры управляют негласно, предоставив руководящие посты гражданским лицам, и обеспечивают контроль и порядок в обществе. Режимы такого типа могут стремиться к легализации через принятие конституций либерально-демократического характера, сохранение псевдоконституционных парламентских структур, законодательного закрепления требований гражданского повиновения. Политические предпосылки возникновения военно-бюрократических режимов образуются, как правило, в обществах с низким экономическим, социальным и культурным уровнем развития, где были введены либерально-демократические парламентские институты, но не сложилась действенная партийная система либо партии оказались не в состоянии сформировать стабильное правительство. Условия для формирования таких режимов возникают и в слаборазвитых многонациональных государствах, где этнические конфликты ведут к национал-шовинизму и увеличению политического влияния армии.

Отечественные политологи Г. Каменская и А. Родионов предложили более подробную классификацию военных режимов:

- режимы, обладающие строго диктаторской, террористической природой и персональным характером власти. Их устойчивость очень мала (режим Иди Амина в Уганде и др.);
- хунты, которые отличаются модернизационной направленностью (Латинская Америка);

- однопартийные системы с более широким базисом (Египет при А. Насере, Ирак при С. Хусейне, Перу) [57].

Один из ведущих современных теоретиков военно-гражданских отношений Тимоти Колтон выделяет три основных направления взаимодействия армии и общества:

- вопросы суверенной власти (кто управляет, и кто решает, кто управляет);
- политика в сфере обороны, касающаяся профессиональных интересов вооруженных сил – военной доктрины, военного бюджета, законов и т.д.;

- вопросы социетального выбора – под ними Т. Колтон понимает политические, экономические, социальные и культурные проблемы, напрямую с вопросами обороны не связанные. Он отмечает, что есть три формы участия армии в решении вопросов суверенитета власти такого участия:

- вмешательство военных в политику, под которым понимается использование или угроза использования силы военными, самостоятельно или совместно с гражданскими акторами, с целью смены исполнительной власти государства;

- участие военных в качестве арбитра, когда несколько лиц или групп лиц оспаривают друг у друга право на обладание всей полнотой власти, а военные вынуждены принимать решение о том, кто обладает такой властью, а значит, может отдавать приказы армии. В данном случае военные не принимают самостоятельного решения о необходимости вмешаться в вопросы суверенитета власти, а вынуждены действовать в результате политической активности гражданских акторов. Таким образом, данный случай – это не вмешательство, а вовлечение военных в политику;

- неучастие военных в решении вопросов суверенитета власти. В данном случае автор концепции обращает внимание на тот факт, что в большинстве исследований основное внимание уделяется только активным формам участия военных (военные перевороты), а неучастие не является предметом анализа, поскольку это нормальное положение вещей, ведь вмешательство или выступление в роли арбитра случаются гораздо реже. Безусловно, изучать события и действия гораздо проще, чем бездействие, но без внимания к этому вопросу полноценный анализ невозможен, поскольку действие армии, как и ее бездействие, может привести к смене власти и изменениям в политической системе [6].

Американские исследователи Дэвид Хедич и Кен Коннор предлагают следующую классификацию военных переворотов:

- переворот-прорыв. Свержение существующего политического режима силами иррегулярных вооруженных формирований либо частью вооруженных сил с последующей сменой концепции или идеологии развития общества (Китай – 1911 г., Египет – 1952 г., Куба – 1959 г.);

- переворот охранительного типа. Данный тип предполагает смену политической власти (элиты) без существенных изменений в социально-экономической структуре (Турция – 1960 г.; 1971 г.; 1980 г.);

- переворот-вето. Предполагает свержение законно избранного правительства и обычно сопровождается эскалацией насилия и политическими репрессиями сторонников свергнутого режима (Аргентина – 1943; 1955; 1976);

- фиктивный переворот. Представляет собой форму внутривластительской борьбы, часто используется правящим режимом для дискредитации легальной оппозиции, особенно в период, предшествующий новым выборам (Экваториальная Гвинея – 2002, 2003) [6].

Таким образом, кратко рассмотрев историографию военно-гражданских отношений в мировой военно-политической мысли, мы можем отметить, что этот вопрос никогда не терял своей актуальности.

Список использованных источников.

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. [Текст] / Аристотель. – М., 1984. – Т. 4.
2. Бабанов, А.А. Армия и политическая власть в правовом государстве [Текст] / А.А. Бабанов. – М., 1995.
3. Военные и гражданские в демократическом обществе [Текст] / Под ред. В.В. Наумкина. – М., 1997.
4. Клаузевиц, К. О войне [Текст] / К. Клаузевиц. – М.: Логос, 1997. – 448 с.
5. Макиавелли, Н. Избранные сочинения // Государь. [Текст]. – М., 1989. – 345 с.
6. Мирский, Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки [Текст] / Г.И. Мирский. – М.: Наука, 1970. – 349 с.
7. Нарыков, Н.В. Политический режим и армия [Текст] / Н.В. Нарыков. – М., 1997.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. [Текст] / Платон. – М., 1994. – Т. 3: Государство.
9. Политическая энциклопедия [Текст]. – М., 1999. – С. 45.
10. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве [Текст] / Сунь-Цзы – М., 1995. – С. 47-55.